

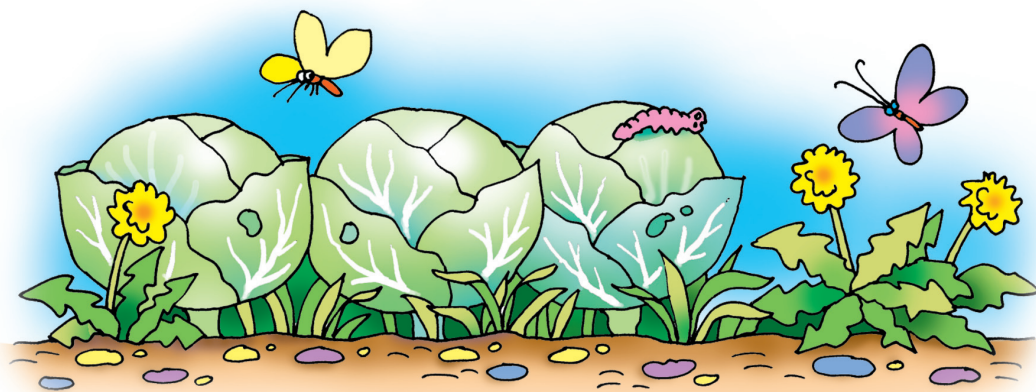


Наше

ПРОСТОКВАШИНО

В 1974 году впервые опубликована сказочная повесть «Дядя Фёдор, пёс и кот» — первая история в легендарном цикле о Простоквашино. С тех пор Эдуард Николаевич Успенский написал 15! сказочных повестей про Простоквашино и его обитателей. Издательство «Малыш» начинает издание всех произведений писателя данного цикла в серии «Наше Простоквашино». Детям и их родителям — рекомендуется к прочтению!

Дядя Фёдор, пёс и кот
Зима в Простоквашино
Тётя дяди Фёдора, или Побег из Простоквашино
Любимая девочка дяди Фёдора
Дядя Фёдор идёт в школу
Праздники в деревне Простоквашино
Весна в деревне Простоквашино
Неприятности в Простоквашино
Привидение из Простоквашино
Клад из деревни Простоквашино
Новые порядки в деревне Простоквашино
Новая жизнь в Простоквашино
Дядя Фёдор и лето в Простоквашино
Происшествия в Простоквашино
Тяжёлые случаи в Простоквашино



Эдуард Успенский

НОВАЯ ЖИЗНЬ В ПРОСТОКВАШИНО



«МАСТЫЦА»





История первая

МЕБЕЛЬ ПЕЛАГЕИ КАПУСТИНОЙ

Жизнь в деревне Простоквашино всегда была полна интересных дел и событий. Потому что в ней жили очень интересные люди. Один другого интересней, кого ни возьми.

Пелагея Капустина, подружка почтальона Печкина, была женщина деловая и невероятно хозяйственная. В доме у неё размещалось большое количество всякой ненужной мебели. Одних сервантов у неё было четыре штуки.

И всё потому, что у неё было три сестры в городе. Они очень любили Пелагею и всё старое ей присылали. Весь дом у неё был заставлен стульями, креслами с вылезшей ватой, этажерками и письменными столами.

Когда приезжала новая старая вещь, допустим тумбочка бамбуковая, старую вещь приходилось выставлять в огород.

Как-то раз по вечерней росе дядя Фёдор с профессором Сёминым шли мимо её дома. И профессор Сёмин говорит:

— Смотри, дядя Фёдор, какое интересное кресло Пелагея Федотовна в огород вынесла. Наверное, будет реставрировать.

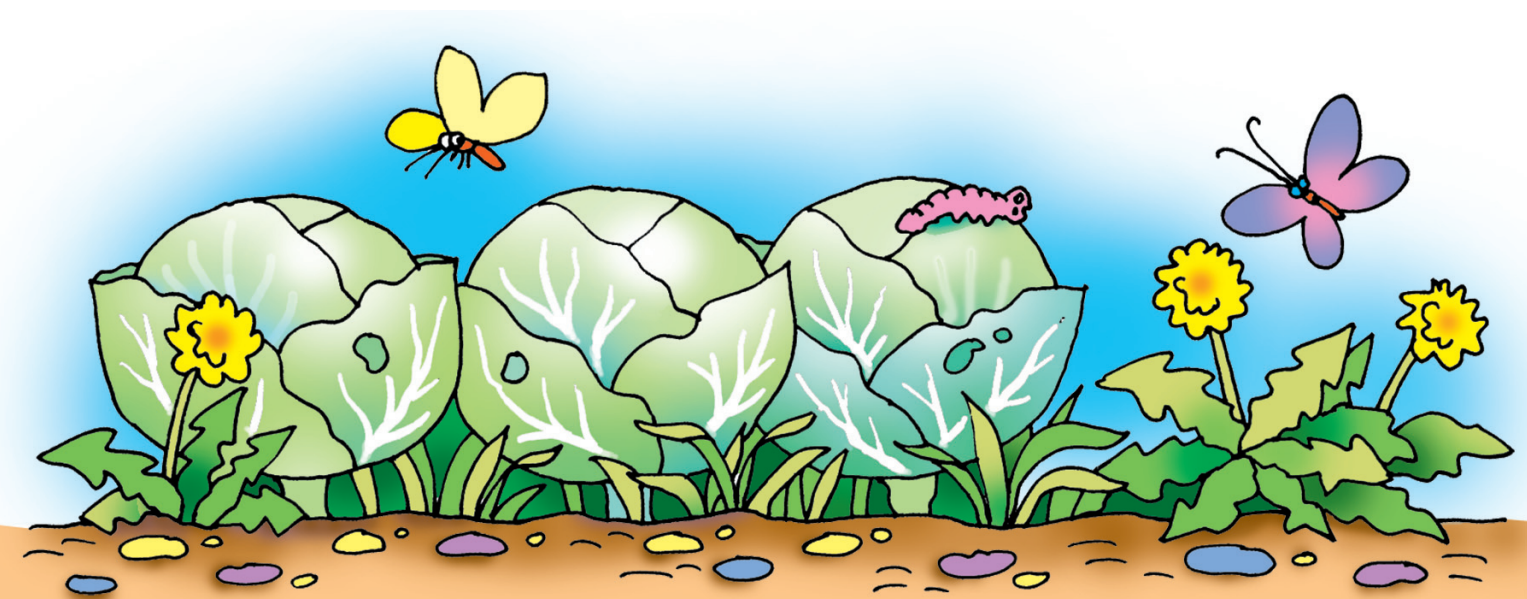
Пелагея в это время в огороде работала (она в любое время в огороде работала), она и услышала.

— Не реставрировать, — говорит, — а на дрова колоть.

Профессор Сёмин ужасно расстроился.

— Такое кресло нельзя на дрова колоть. Это музейное кресло.

— Мне это кресло не нужно, — говорит Пелагея. — У меня дом, а не музей. А дрова сейчас подорожали.





Тогда дядя Фёдор предложил:

— А вы, Эрик Трофимович, с ней это кресло на дрова поменяйте.

Они так и договорились. Взяли тачку кота Матроскина, привезли Пелагее две охапки тяжёлых берёзовых дров, а кресло музейное забрали и с трудом унесли.

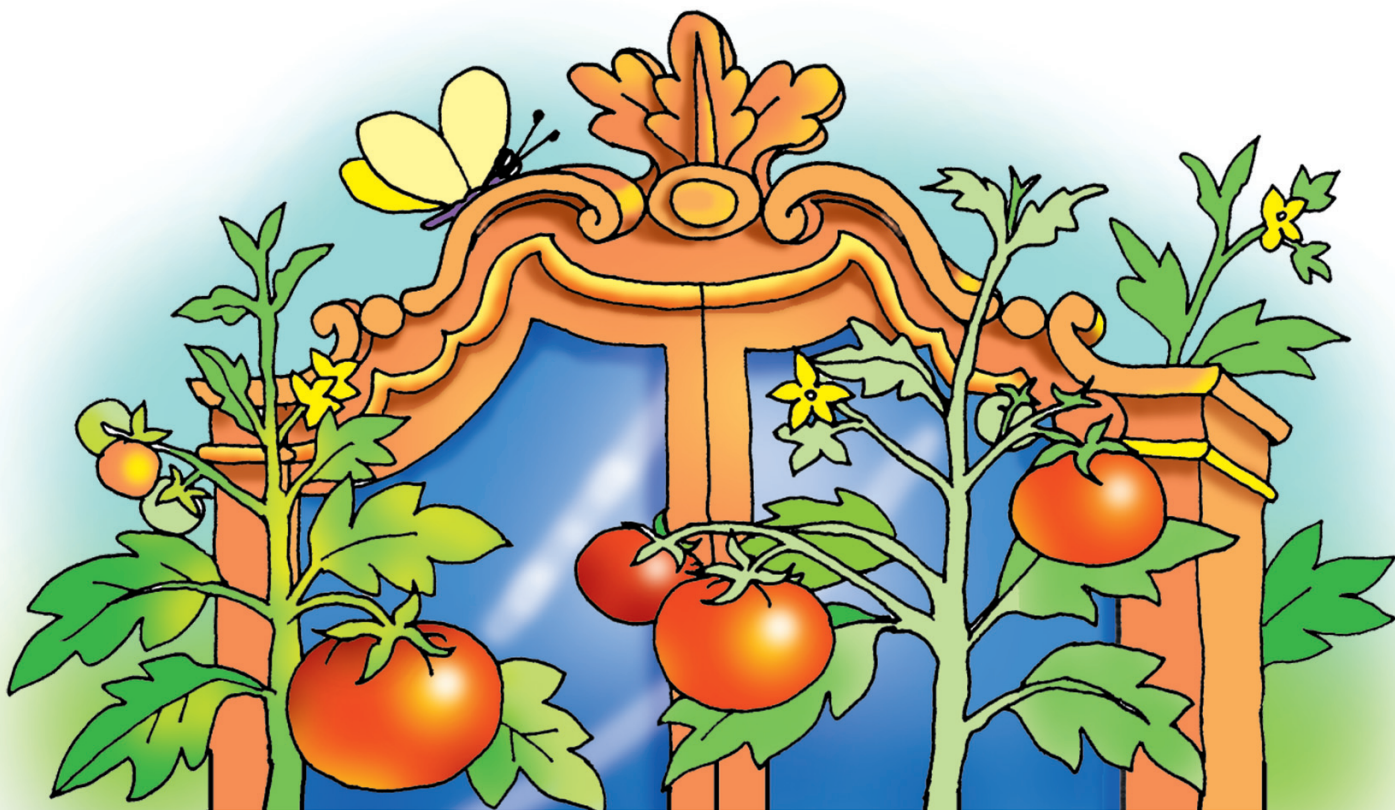
Причём всё время садились на кресло отдыхать.

Через несколько дней Пелагея резной сервант в огород вынесла. Он стоял там рядом с помидорами и сверкал всеми стёклами. Профессор Сёмин как раз в это время рысцой пробежал мимо в поисках здоровья. Увидел этот сервант и говорит:

— Это ранний модерн времён Пушкина. Я такой сервантик в музее Достоевского в Петербурге видел.

Он позвал дядю Фёдора и спрашивает:

— Ну, как?





Дядя Фёдор говорит:

— Этот сервантик, пожалуй, тяжелее судейского кресла будет. Раза в два. Он на всю вашу поленницу потянет.

И верно, пришлось профессору Сёмину всю свою поленницу к Пелагее Капустиной перетаскивать. Зато сервант у него в кабинете рядом с судейским креслом просто засиял. Профессор всё время в нём стёклышки протирал и зубной щёткой резьбу по дереву чистил.

Как-то раз почтальон Печкин к нему зашёл, газету принёс. Увидел он сервант и кресло и говорит:

— Хорошая работа. Бывалошная. Такие кресла у нас в своё время в селе Троицком делали. Всё село креслами промышляло. Была кресельная фабрика.



— А скажите тогда, Игорь Иванович, как они умудрялись ножки у кресел так выгибать?

— Никак они не умудрялись, — говорит Печкин. — Они в лесу искали такие деревья, которые у корня искривлённые. Из них ножки и делали.

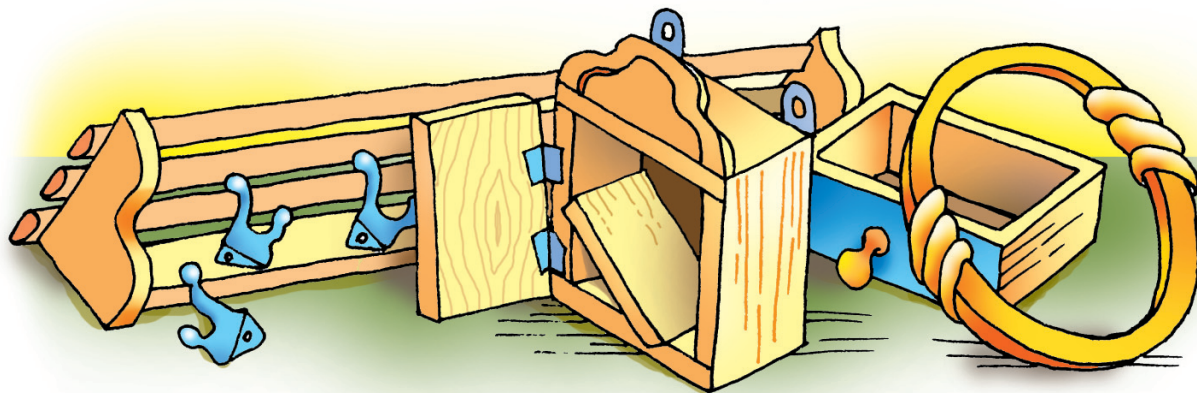
Он много чего интересного рассказал. Что древесина на мебель шла особая, дорогая. Что порой некоторые деревья в воде по двадцать лет держали, чтобы они твёрже становились. Что основная фабрика была в городе, а в селе мужики только резьбу резали да кресла склеивали.

— Спасибо, Игорь Иванович, — сказал Сёмин. — Вы по мебели просто профессор.

Люди в деревне и в окрестностях узнали, что профессор за старую мебель дровами рассчитывается, и всё ненужное к нему в дом понесли. Кто шкафчик для лекарства, кто крышку от старого патефона, кто приёмник ламповый. И ещё обижались, если профессор что-нибудь не брал.

Хромой Шуряйка с лесопилки притащил такой же хромоногий табурет большущий, на медведя рассчитанный. Профессор Сёмин от этого табурета отказался:

— Нет, спасибо, дядя Шура. Нам такой табурет не в коллекцию.





— Да ты внимательнее посмотри, — говорил Шуряйка, — этот табурет ещё мой дедушка мастерил. Сколько лет стоит, и всё сносу нету.

— Я табуретками не интересуюсь, — ответил профессор Сёмин. — Нет ли у вас чего-нибудь более интересного? Более сложной работы?

— Как нет, — говорит Шуряйка. — Лавка у меня есть очень сложной работы. Она берёзовая. Берёза для работы ой как трудна.

— И лавками я не интересуюсь, — отвечал профессор. — И табурет этот вам самому пригодится. Он всех нас переживёт.

— Не переживёт, — сказал хромой Шуряйка. — Раз он вам не нужен, я его на дрова пущу.

Скоро столько старинной мебели у профессора Семина набралось, что хоть самому её на дрова меняй. А мебель всё прибывала.

Раньше в этой области много помещичьих усадеб было. Усадьбы исчезли, а мебель по соседним сёлам разбрелась.

Она вся довольно старая была, поменять на дрова её было не сложно, а вот реставрировать её после этого — никаких денег не хватало.

И тут кот Матроскин предложил:

— А давайте мы музей старинной мебели организуем. Вон у нас какой сарайце на берегу речки стоит.

Так они и сделали. Сарай всей деревней подремонтировали. Всю мебель туда свезли. Печкина директором сделали. Он билеты продавал и всё про мебель рассказывал.

Печкин был человек вредный, но мастеровой. Он всё умел делать. И скоро музей заработал. И даже стал доход давать.

Только профессор Семин всю эту осень на даче мёрз. Дров у него было маловато. Он их всё время на разные зеркала и полочки менял.

